

МЗЧ!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Вышинского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Либшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

С-162749

Воскресенье, 5 января 1941 г.

Цена 45 коп.

№ 1 (915)

Назревший вопрос

Советская литература, насчитывающая свыше 20 лет своего существования, стала уже значительным идеально-художественным центром. Это доказывается в той огромной роли литературы, которую она играет в воспитании граждан СССР, это подтверждается и тем интересом, который существует за пределами нашей родины в советской литературе. Даже теперь, когда во всем мире есть жесточайшая война и резко сократилось издание книг во всех европейских государствах, многие зарубежные издательства выпускают книги советских авторов.

Советская многонациональная литература — богатейший арсенал передовых идей, выраженных в художественной форме. В этом смысле она прямо продолжает передовые традиции великой русской литературы, всегда вызывавшей глубокое интересование всех народов мира.

И, однако, можно сказать, не боясь преувеличений, что мы еще сами хорошо знаем все этого богатства. Огромное количество произведений, издаваемых в братских республиках, до сих пор не стало общим достоянием. Да и весь литературный процесс постпереволоньких лет не изучен и не осмыслен научно, как того требуют интересы советской культуры. Научная работа в литературе поставлена, особенно в организационном отношении, слабо, внимание ей уделяется до目前为止 недостаточное.

Запущенность научной работы в литературе обясняется в числе других причин тем, что силы критиков, преподавателей современной литературы, научных работников институтов литературы и языка организационно разобщены. Ни одна из литературно-научных организаций не посчитала необходимым взять на себя инициативу обединить научные силы всего Союза и привлечь их для систематического, планомерного изучения современной литературы народов СССР.

Некоторые критики, правда, охотно рассуждают о всяческих своих «правах», забыв об обязанностях, и в первую очередь об обязанности читать свою родную литературу, осмысливать ее процессы, помогать и читателю и писателю разобраться в них, отвечать нарашне с писателями за формирование литературы. В то же время за последние годы в институтах литературы, в педагогических вузах выросло немало хороших знатоков литературы, имеющих не меньшее право на внимание в своей работе, чем профессиональные критики. Ряд молодых докторов и профессоров самостоятельно построили курсы по современной литературе и, несмотря на отсутствие способных и учеников, изучили и систематизировали материал национальных и русской советской литературы. Такие курсы по современным литературам, например, читались в Ташкенте, Симферополе, Орджоникидзе, Ижевске, Оле, Могилеве и в других городах.

Кадры этих людей нужно узнать поближе, привлечь их в постоянную работу, и тогда будут немыслимы такие факты, как посылка в качестве лекторов в братские республики для помощи молодым литераторам людей, никак себя не зарекомендовавших — ни с творческой, ни с педагогической стороны, или печатающие в журнале «Литературная учеба» статьи авторов, коим самим полезно поучиться многих элементарных вещей. Бюро национальных комиссий Союза писателей проделало большую организационную работу, чтобы приблизить литературу братских народов к читателям всех республик СССР. Но пора поставить вопрос о более основательном подходе и к переводам, и к записям фольклорных текстов, и к изучению классического наследства, и к проведению юбилеев классиков национальных литератур. И здесь снова вопрос упирается в кадры. Ведь раньше даже первичная запись текстов устной народной литературы производилась настоящими учеными, прекрасными знатоками истории и языка народа. Так, первые записи киргизского эпоса «Мазна» были сделаны акад. Радловым. Это

хорошая традиция русской литературной науки, ее нужно сохранить и развивать. У нас же теперь до бесконечности мириятся с тем, что подавляющее большинство переводчиков не знает национальных языков и переводят с русского подстрочником. Поэтому же во всех научно-исследовательских институтах от любого аспиранта, кандидата или доцента наук требуется знание по крайней мере одного иностранного языка, а в редакциях издательств и литературных институтах людям, работающим над переводами с литературами народов СССР, просятся их абсолютное незнание с языком оригинала?

О чем говорит все это? О том, что назрела потребность в создании настоящего научного центра, который обединяет бы и направляет ведущиеся в разных концах СССР работу по изучению нашей многонациональной литературы. За последние годы в республиках создано более 20 научных институтов литературы и языка. Но они рассредоточены по различным ведомствам. Одна из них починяется местным наркоматом; другие входят в состав филиалов Академии наук. Одни из них создали свои кадры литературоведов и лингвистов, передко ведут капитальные работы, как, например, в Казани, где подготавливается история татарской литературы, — о работе же других сведений очень мало. Но если бы в Москве кто-нибудь попытался получить свою характеристику тематики этих институтов или составить представление об их научных кадрах, то это оказалось бы делом невыполнимым.

Вот почему назрела потребность в создании единого научного литературного центра. Им мог бы стать Институт мировой литературы им. Горького. Именно он должен был бы взять на себя обединение научной работы в области литературы. Для этого, разумеется, потребуется некоторая перестройка самого института.

В чем это должно выражаться? Прежде всего необходимо расширить отдел советской литературы института. Этот отдел до сих пор не пользовался достаточным вниманием. Здесь нужно сосредоточить достаточно квалифицированные кадры научных работников, переводчиков, критиков, литературоведов и т. д. Одним словом, нужно привлечь значительно больше числа научных работников к изучению живой сегодняшней советской литературы. С другой стороны, Институт мировой литературы им. Горького, имеющийся у него, несмотря на отсутствие способных и учеников, изучил и систематизировал материал национальных и русской советской литературы. Такие курсы по современным литературам, например, читались в Ташкенте, Симферополе, Орджоникидзе, Ижевске, Оле, Могилеве и в других городах.

Кадры этих людей нужно узнать поближе, привлечь их в постоянную работу, и тогда будут немыслимы такие факты, как посылка в качестве лекторов в братские республики для помощи молодым литераторам людей, никак себя не

зарекомендовавших — ни с творческой, ни с педагогической стороны, или печатающие в журнале «Литературная учеба»

статьи авторов, коим самим полезно поучиться многих элементарных вещей.

Бюро национальных комиссий Союза писателей проделало большую организационную работу, чтобы приблизить литературу братских народов к читателям всех республик СССР. Но пора поставить вопрос о более основательном подходе и к переводам, и к записям фольклорных текстов, и к изучению классического наследства, и к проведению юбилеев классиков национальных литератур. И здесь снова вопрос упирается в кадры. Ведь раньше даже первичная запись текстов устной народной литературы производилась настоящими учеными, прекрасными знатоками истории и языка народа. Так, первые записи киргизского эпоса «Мазна» были сделаны акад. Радловым. Это

хорошая традиция русской литературной науки, ее нужно сохранить и развивать. У нас же теперь до бесконечности мириются с тем, что подавляющее большинство переводчиков не знает национальных языков и переводят с русского подстрочником. Поэтому же во всех научно-исследовательских институтах от любого аспиранта, кандидата наук требуется знание по крайней мере одного иностранного языка, а в редакциях издательств и литературных институтах людям, работающим над переводами с литературами народов СССР, просятся их абсолютное незнание с языком оригинала?

О чем говорит все это? О том, что назрела потребность в создании настоящего научного центра, который обединяет бы и направляет ведущиеся в разных концах СССР работу по изучению нашей многонациональной литературы. За последние годы в республиках создано более 20 научных институтов литературы и языка. Но они рассредоточены по различным ведомствам. Одна из них починяется местным наркоматом; другие входят в состав филиалов Академии наук. Одни из них создали свои кадры литературоведов и лингвистов, передко ведут капитальные работы, как, например, в Казани, где подготавливается история татарской литературы, — о работе же других сведений очень мало. Но если бы в Москве кто-нибудь попытался получить свою характеристику тематики этих институтов или составить представление об их научных кадрах, то это оказалось бы делом невыполнимым.

Вот почему назрела потребность в создании единого научного литературного центра. Им мог бы стать Институт мировой литературы им. Горького. Именно он должен был бы взять на себя обединение научной работы в области литературы. Для этого, разумеется, потребуется некоторая перестройка самого института.

В чем это должно выражаться? Прежде всего необходимо расширить отдел советской литературы института. Этот отдел до сих пор не пользовался достаточным вниманием. Здесь нужно сосредоточить достаточно квалифицированные кадры научных работников, переводчиков, критиков, литературоведов и т. д. Одним словом, нужно привлечь значительно больше числа научных работников к изучению живой сегодняшней советской литературы. С другой стороны, Институт мировой литературы им. Горького, имеющийся у него, несмотря на отсутствие способных и учеников, изучил и систематизировал материал национальных и русской советской литературы. Такие курсы по современным литературам, например, читались в Ташкенте, Симферополе, Орджоникидзе, Ижевске, Оле, Могилеве и в других городах.

Кадры этих людей нужно узнать поближе, привлечь их в постоянную работу, и тогда будут немыслимы такие факты, как посылка в качестве лекторов в братские республики для помощи молодым литераторам людей, никак себя не

зарекомендовавших — ни с творческой, ни с педагогической стороны, или печатающие в журнале «Литературная учеба»

статьи авторов, коим самим полезно поучиться многих элементарных вещей.

Бюро национальных комиссий Союза писателей проделало большую организационную работу, чтобы приблизить литературу братских народов к читателям всех республик СССР. Но пора поставить вопрос о более основательном подходе и к переводам, и к записям фольклорных текстов, и к изучению классического наследства, и к проведению юбилеев классиков национальных литератур. И здесь снова вопрос упирается в кадры. Ведь раньше даже первичная запись текстов устной народной литературы производилась настоящими учеными, прекрасными знатоками истории и языка народа. Так, первые записи киргизского эпоса «Мазна» были сделаны акад. Радловым. Это

хорошая традиция русской литературной науки, ее нужно сохранить и развивать. У нас же теперь до бесконечности мириются с тем, что подавляющее большинство переводчиков не знает национальных языков и переводят с русского подстрочником. Поэтому же во всех научно-исследовательских институтах от любого аспиранта, кандидата наук требуется знание по крайней мере одного иностранного языка, а в редакциях издательств и литературных институтах людям, работающим над переводами с литературами народов СССР, просятся их абсолютное незнание с языком оригинала?

О чем говорит все это? О том, что назрела потребность в создании настоящего научного центра, который обединяет бы и направляет ведущиеся в разных концах СССР работу по изучению нашей многонациональной литературы. За последние годы в республиках создано более 20 научных институтов литературы и языка. Но они рассредоточены по различным ведомствам. Одна из них починяется местным наркоматом; другие входят в состав филиалов Академии наук. Одни из них создали свои кадры литературоведов и лингвистов, передко ведут капитальные работы, как, например, в Казани, где подготавливается история татарской литературы, — о работе же других сведений очень мало. Но если бы в Москве кто-нибудь попытался получить свою характеристику тематики этих институтов или составить представление об их научных кадрах, то это оказалось бы делом невыполнимым.

Вот почему назрела потребность в создании единого научного литературного центра. Им мог бы стать Институт мировой литературы им. Горького. Именно он должен был бы взять на себя обединение научной работы в области литературы. Для этого, разумеется, потребуется некоторая перестройка самого института.

В чем это должно выражаться? Прежде всего необходимо расширить отдел советской литературы института. Этот отдел до сих пор не пользовался достаточным вниманием. Здесь нужно сосредоточить достаточно квалифицированные кадры научных работников, переводчиков, критиков, литературоведов и т. д. Одним словом, нужно привлечь значительно больше числа научных работников к изучению живой сегодняшней советской литературы. С другой стороны, Институт мировой литературы им. Горького, имеющийся у него, несмотря на отсутствие способных и учеников, изучил и систематизировал материал национальных и русской советской литературы. Такие курсы по современным литературам, например, читались в Ташкенте, Симферополе, Орджоникидзе, Ижевске, Оле, Могилеве и в других городах.

Кадры этих людей нужно узнать поближе, привлечь их в постоянную работу, и тогда будут немыслимы такие факты, как посылка в качестве лекторов в братские республики для помощи молодым литераторам людей, никак себя не

зарекомендовавших — ни с творческой, ни с педагогической стороны, или печатающие в журнале «Литературная учеба»

статьи авторов, коим самим полезно поучиться многих элементарных вещей.

Бюро национальных комиссий Союза писателей проделало большую организационную работу, чтобы приблизить литературу братских народов к читателям всех республик СССР. Но пора поставить вопрос о более основательном подходе и к переводам, и к записям фольклорных текстов, и к изучению классического наследства, и к проведению юбилеев классиков национальных литератур. И здесь снова вопрос упирается в кадры. Ведь раньше даже первичная запись текстов устной народной литературы производилась настоящими учеными, прекрасными знатоками истории и языка народа. Так, первые записи киргизского эпоса «Мазна» были сделаны акад. Радловым. Это

хорошая традиция русской литературной науки, ее нужно сохранить и развивать. У нас же теперь до бесконечности мириются с тем, что подавляющее большинство переводчиков не знает национальных языков и переводят с русского подстрочником. Поэтому же во всех научно-исследовательских институтах от любого аспиранта, кандидата наук требуется знание по крайней мере одного иностранного языка, а в редакциях издательств и литературных институтах людям, работающим над переводами с литературами народов СССР, просятся их абсолютное незнание с языком оригинала?

О чем говорит все это? О том, что назрела потребность в создании настоящего научного центра, который обединяет бы и направляет ведущиеся в разных концах СССР работу по изучению нашей многонациональной литературы. За последние годы в республиках создано более 20 научных институтов литературы и языка. Но они рассредоточены по различным ведомствам. Одна из них починяется местным наркоматом; другие входят в состав филиалов Академии наук. Одни из них создали свои кадры литературоведов и лингвистов, передко ведут капитальные работы, как, например, в Казани, где подготавливается история татарской литературы, — о работе же других сведений очень мало. Но если бы в Москве кто-нибудь попытался получить свою характеристику тематики этих институтов или составить представление об их научных кадрах, то это оказалось бы делом невыполнимым.

Вот почему назрела потребность в создании единого научного литературного центра. Им мог бы стать Институт мировой литературы им. Горького. Именно он должен был бы взять на себя обединение научной работы в области литературы. Для этого, разумеется, потребуется некоторая перестройка самого института.

В чем это должно выражаться? Прежде всего необходимо расширить отдел советской литературы института. Этот отдел до сих пор не пользовался достаточным вниманием. Здесь нужно сосредоточить достаточно квалифицированные кадры научных работников, переводчиков, критиков, литературоведов и т. д. Одним словом, нужно привлечь значительно больше числа научных работников к изучению живой сегодняшней советской литературы. С другой стороны, Институт мировой литературы им. Горького, имеющийся у него, несмотря на отсутствие способных и учеников, изучил и систематизировал материал национальных и русской советской литературы. Такие курсы по современным литературам, например, читались в Ташкенте, Симферополе, Орджоникидзе, Ижевске, Оле, Могилеве и в других городах.

Кадры этих людей нужно узнать поближе, привлечь их в постоянную работу, и тогда будут немыслимы такие факты, как посылка в качестве лекторов в братские республики для помощи молодым литераторам людей, никак себя не

зарекомендовавших — ни с творческой, ни с педагогической стороны, или печатающие в журнале «Литературная учеба»

статьи авторов, коим самим полезно поучиться многих элементарных вещей.

Бюро национальных комиссий Союза писателей проделало большую организационную работу, чтобы приблизить литературу братских народов к читателям всех республик СССР. Но пора поставить вопрос о более основательном подходе и к переводам, и к записям фольклорных текстов, и к изучению классического наследства, и к проведению юбилеев классиков национальных литератур. И здесь снова вопрос упирается в кадры. Ведь раньше даже первичная запись текстов устной народной литературы производилась настоящими учеными, прекрасными знатоками истории и языка народа. Так, первые записи киргизского эпоса «Мазна» были сделаны акад. Радловым. Это

хорошая традиция русской литературной науки, ее нужно сохранить и развивать. У нас же теперь до бесконечности мириются с тем, что подавляющее большинство переводчиков не знает национальных языков и переводят с русского подстрочником. Поэтому же во всех научно-исследовательских институтах от любого аспиранта, кандидата наук требуется знание по крайней мере одного иностранного языка, а в редакциях издательств и литературных институтах людям, работающим над переводами с литературами народов СССР, просятся их абсолютное незнание с языком оригинала?

О чем говорит все это? О том, что назрела потребность в создании настоящего научного центра, который обединяет бы и направляет ведущиеся в разных концах СССР работу по изучению нашей многонациональной литературы. За последние годы в республиках создано более 20 научных институтов литературы и языка. Но они рассредоточены по различным ведомствам. Одна из них починяется местным наркоматом; другие входят в состав филиалов Академии наук. Одни из них создали свои кадры литературоведов и лингвистов, передко ведут капитальные работы, как, например, в Казани, где подготавливается история татарской литературы, — о работе же других сведений очень мало. Но если бы в Москве кто-нибудь попытался получить свою характеристику тематики этих институтов или составить представление об их научных кадрах, то это оказалось бы делом невыполнимым.

О. ПИСАРЖЕВСКИЙ Суть простых вещей

«...Самое удивительное в захватывающей в зеркале уходящего корабля — это то, что корабль плывет...» — пошутил одинажды в разговоре об эту тему видный скульптор, инженер южной верфи.

Да, не так легко заставить корабль плыть, а главное, быстро плыть, настигнуть врага, спасаться от преследования, пересекать океаны и бороться со мильами. Не легко узнавать форму лба, над которым плывешь, разговаривать без проводов, определять свое место в пространстве по звездам, иметь верный компас на железном судне. В сооружении и оснащении корабля развернулся во всю мощь гений человеческого труда.

Несколько замечательных детских писателей Борис Житков мечтал обратить читателя от приключений в далеких морях к приключениям человеческой мысли в конструкторском бюро судостроительного завода. Он хотел заставить ребенка на время забыть о маршруте парохода с поясами трубами для того, чтобы с глазами же увлечением проследить путь, который совершила культура от индийской нироги или волжского плота до современного броненосца.

Житков не успел осуществить свой замысел. Он должен быть похвашен.

В книге о корабле, написанной в то же время, который начали культурировать Б. Житков и М. Ильин, ребенка будет ждать много открытий. Он узнает, что пароходы винт и всплыли пироги или китайской ложки действуют, подчиняясь законам и тем же законам. Индийский охотник или китайский рыболов патнувшись на них слышат. А для того, чтобы использовать то же самые принципы при движении современных кораблей, надо было научиться понять, как действует простое деревянное весло. Только после этого можно было отказаться от колесных и парусных судов и начать мерять океаны в несколько дней. Юный читатель узнает, далее, что общего между пароходом, «буравящим волну», веслом и змеем, взлетающим в облака, когда его гонят на ветерок. Он поймет принципы сопротивления сопротивлению, силы и спиральным спуском парка культуры и отдыха, трирем и пропеллером аэроплана — всеми этими остроумными применениями принципа винта.

Подобная книга учит читателя поражаться не только внешними сходствами. Она разрушает поверхностные представления об окружающем мире. Она раскрывает очарование поисков и находок, она воспитывает любовь к изобретательности, которая спрятала поэзии, тем, что находит новые качества в привычных, привыкающих вещах.

Эту цель выбирает девизом своего творчества М. Ильин, «Рассказы о вещах», которого Детизлат собрал в 1940 г. в одной книге. Когдa Ильин предлагает увидеть в подсвечнике газовый завод — это не игра понятий. Свеча действительно газовый завод в миниатюре. Белый дымок, поднимающийся от фития погашенной свечи, и впрямь можно замечать спичками.

Болезненная книга учит читателя поражаться не только внешним сходством. Она разрушает поверхностные представления о мире. Она раскрывает очарование поисков и находок, она воспитывает любовь к изобретательности, которая спрятала поэзии, тем, что находит новые качества в привычных, привыкающих вещах.

Автоматически выбирает девизом своего творчества М. Ильин, «Рассказы о вещах», которого Детизлат собрал в 1940 г. в одной книге. Когдa Ильин предлагает увидеть в подсвечнике газовый завод — это не игра понятий. Свеча действительно газовый завод в миниатюре. Белый дымок, поднимающийся от фития погашенной свечи, и впрямь можно замечать спичками.

Образы, используемые художником, — не типеи, а труженики. С их помощью писатель вооружает детей остройтво своего зрения, обновляющегося от автоматизма и превратившегося в восприятие.

Рассказы Ильина о вещах историчны. Поэтому они обогащают ребенка и в духовном отношении. Их подтекст говорит: смелее пользуйся всеми арсеналами сведений, которые ты получаешь в школе. Он не так уж мал и не так плох. Ты вооружен в тысячи раз лучше своего предка. Славай же больше его!

Прекрасная идея! Взять в руки простую картофелину и открыть в ней множество экспериментов в поисках нужных путей создания книги по вопросам материальной культуры, то «земляного яблока». М. Герценсон придает оттенок «Плитки шоколада» в крайнею эксперимента. В то время как академик явился в какой-то мере эзотериком, вторая книга говорит о самом обычном овоще — картофеле. В то время как автор «Плитки шоколада» пароходчески, эконом-географически и технологически предельно обстоятельно, автор «Земляного яблока» в той же мере импресионистичен.

Красивая идея! Взять в руки простую картофелину и открыть в ней много-

можно приветствовать, что Детизлат в 1940 г. не ограничился переизданием превосходных работ М. Ильина, а решил расширить круг тем, посвященных вопросам материальной культуры. Непонятно только, почему темой очередной книги явилась... николаев (И. Вольпер, «Плитка шоколада», Детизлат, 1940). Ведь при нехватке бумаги у нас нет еще книг о стаках, о паровозе, об истории ремесел, о кино.

Разумеется, и о плитке шоколада можно написать актуальную книгу, не спрашивающую энциклопедическую, а публицистическую, но освещительную, а научно-художественную. Но спрашиваемо утверждение, взявшееся за эту работу И. Вольпера, «в каждой плитке шоколада — целая поэма труда». К сожалению, поэтическая проблематика книги автор предпочитает декларировать, а, излагая суть дела, он придерживается той прелестной непосредственности, которая отличала еще писателей молодого пластика в «Тарасе Бульбе». Тот, кто известно, обяснял своей хохолю Юзысе «всё так, что уже решительно не можно было ничего прибавлять».

«Вот это, душечка Юзыся... весь народ, что вы видите, пришел за тем, чтобы посмотреть, как будут казнить преступников... И как пачка колесов и другое делать муки, то преступник еще будет жив; а как отрубят голову, то он, душечка, тогда и умрет...»

«После звонка бобы из аппарата, — обстоятельно повествует И. Вольпер, — вырываются, быстрая охлаждается и идет на дробление. Специальная машина — изолятор — подает им небольшими ковшами на дробильный аппарат. Во время этой операции каждый боб раскалывается на несколько мелких частичек. Это первый этап по пути уменьшения размеров обожженных бобов...»

Книга не оправдывает ожиданий читателя. Автор не умеет подняться над варварством производственных детали и не хочет подумать о том читателе, который никогда не будет иметь времени расшифровывать: вегетативная гибридизация, поймай, привой... И только в конце книги, хоть на минутку, хоть палец, можно рассмотреть в руках Лысенко прорастающие клубни. Только здесь, где тема приобретает некоторые черты конкретности, автора ждут первые удачи.

Повиному, научно-художественную книгу ждет успех — признание читателя — только в том случае, если автор ее возьмет на себя труд исследователя, оставаясь в то же время художником. Он должен суметь сочетать смелость мысли, широту охвата темы с жесткой линией в отборе материала, оставляя то, что действительно нужно для решения поставленной задачи. А задача эта состоит не в том, чтобы начинить юного читателя множеством мелких сведений и деталей, чем добросовестно занялся И. Вольпер. И не в том деле, чтобы с птичьего полета обозреть ряд явления развития культуры, поспешно выбравшие тем, которые поддаются эффектной беллетризации, как это случалось с Герценсоном.

Будет ли, например, он впоследствии размышлять над работой сердца, прогоняющим кровь по всем разветвлениям кровеносных сосудов, будет ли он ремонтировать насос, состоящий из смазочного масла, трещущимся частями машиной, будет ли выдумывать бутылки... — он будет во всех этих случаях основывать свой труд на тех же законах, что и рабочий, управляющий гидравлическим прессом, отжимающим масло из бобов какао, Сельская на закон Паскаля, сделанная автором, возвращающая читателя к учебнику физики, а его надо было повести дальше — — знакомиться с приложениями универсального принципа, расширять его школьный кругозор.

Если предположить, что Детизлат сознательно экспериментирует в поисках нужных путей создания книги по вопросам материальной культуры, то «земляное яблоко» М. Герценсона придется отнести вместе с «Плиткой шоколада» в крайнею эксперимента. В то время как академик явился в какой-то мере эзотериком, вторая книга говорит о самом обычном овоще — картофеле. В то время как автор «Плитки шоколада» пароходчески, эконом-географически и технологически предельно обстоятельно, автор «Земляного яблока» в той же мере импресионистичен.

Этот общий критерий опускает множество различнейших решений основного задания. О правильности выбранных направлений можно спорить. Жаль, что спор этот возникает в связи с работами, уже вышедшими, тогда как должен был бы сопровождать замысел и рождение книги.

Як. РЫКАЧЕВ

«ЗНАМЯ» №11—12, 1940

Писатель Василий Гроссман взял на себя громадный ответственный труд — создать эпическое произведение, охватывающее последние сорок лет жизни нашей страны.

В рецензируемом номере журнала «Знамя» писатель опубликовал первую книгу второй части трилогии «Степан Колчугин». Эта часть — «Солдаты революции», посвященная первой империалистической войне, подводит читателя к самому центру февральской революции. Таким образом, выполнена, примерно, половина работы, составляющей, в общем, сложности, около ста печатных листов. Уже сейчас можно сказать, что диапазон событий, охватываемых писателем, становится от книги к книге все шире, в повествовании постоянно входят представители всех классов и профессий страны и — на материале отдельных судеб — все важнейшие события и действия, описываемые в тысячах раз лучше своего предка. Славай же больше его!

Рассказы Ильина о вещах историчны. Поэтому они обогащают ребенка и в духовном отношении. Их подтекст говорит: смелее пользуйся всеми арсеналами сведений, которые ты получаешь в школе. Он не так уж мал и не так плох. Ты вооружен в тысячи раз лучше своего предка. Славай же больше его!

Критический отдел номера прочно ушла в геологическую глубь истории, и творческое воссоздание любого ее пластя требует от художника весьма серьезных усилий.

В романе Гроссмана соблюдена привычная историческая перспектива. Изображенные в нем судьбы и события, сюжеты вещей, словно притягиваются гигантским магнитом, стремятся к своему завершению, к Октябрю. В борьбе противоречий, в причудливых сплетениях лиц-членов социального бытия, в сознательных революционных поисках и поступках отдельных людей и целых групп, в распаде противоборствующих революций сил, в стихийных устремлениях народных масс — показывает автор ход истории. Любопытно, даже самый слабый художник может формально усвоить марксистско-ленинскую теорию, но пока она не станет его зеренем, пока, вооруженный этим зернем, он не найдет себе силу и умение погрузиться в самую глубину исторического потока, где художнику открываются все объективные связи и закономерности. До той поры он обречен склоняться по самой поверхности вещей, и образная система его произведения будет обладать лишь визуальным соотвествием объективному ходу истории.

У Вас. Гроссмана это время имеется, срыва в его эпохе, еще далеко не законченной, реалии и относятся скорее к частностям. Вот почему, если говорить об общей оценке и данного романа, и всей эпохи в целом, требующей специального критического анализа, то нельзя не признать ее большой значительности. В этот труд, ставший своей целью художественно осмысливать в свете марксистско-

музы, в его эпохе, еще далеко не законченной, реалии и относятся скорее к частностям. Вот почему, если говорить об общей оценке и данного романа, и всей эпохи в целом, требующей специального критического анализа, то нельзя не признать ее большой значительности. В этот

труд, ставший своей целью художественно осмысливать в свете марксистско-

жестко уприветствует читателя достоинств. Декстрии и саги, укус и глинистая, молочная кислота и пиво, сироп в каучук — вот в каких неожиданных областях входят в нашу жизнь прекрасные и — увы! — любимые автомобили. Непонятно только, почему темой очередной книги явилась... николаев (И. Вольпер, «Плитка шоколада», Детизлат, 1940). Ведь при нехватке бумаги у нас нет еще книг о стаках, о паровозе, об истории ремесел, о кино.

Разумеется, и о плитке шоколада можно написать актуальную книгу, не спрашивающую энциклопедическую, а публицистическую, но освещительную, а научно-художественную. Но спрашиваемо утверждение, взявшееся за эту работу И. Вольпера, «в каждой плитке шоколада — целая поэма труда».

Сложнее всего, на мой взгляд, сказать о более широком знании культуры, которое получается из книги.

Можно приветствовать, что Детизлат в 1940 г. не ограничился переизданием превосходных работ М. Ильина, а решил расширить круг тем, посвященных вопросам материальной культуры. Непонятно только, почему темой очередной книги явилась... николаев (И. Вольпер, «Плитка шоколада», Детизлат, 1940).

Весьма интересно, что Детизлат в 1940 г. не ограничился переизданием превосходных работ М. Ильина, а решил расширить круг тем, посвященных вопросам материальной культуры. Непонятно только, почему темой очередной книги явилась... николаев (И. Вольпер, «Плитка шоколада», Детизлат, 1940).

Сложнее всего, на мой взгляд, сказать о более широком знании культуры, которое получается из книги.

Можно приветствовать, что Детизлат в 1940 г. не ограничился переизданием превосходных работ М. Ильина, а решил расширить круг тем, посвященных вопросам материальной культуры. Непонятно только, почему темой очередной книги явилась... николаев (И. Вольпер, «Плитка шоколада», Детизлат, 1940).

Сложнее всего, на мой взгляд, сказать о более широком знании культуры, которое получается из книги.

Можно приветствовать, что Детизлат в 1940 г. не ограничился переизданием превосходных работ М. Ильина, а решил расширить круг тем, посвященных вопросам материальной культуры. Непонятно только, почему темой очередной книги явилась... николаев (И. Вольпер, «Плитка шоколада», Детизлат, 1940).

Сложнее всего, на мой взгляд, сказать о более широком знании культуры, которое получается из книги.

Можно приветствовать, что Детизлат в 1940 г. не ограничился переизданием превосходных работ М. Ильина, а решил расширить круг тем, посвященных вопросам материальной культуры. Непонятно только, почему темой очередной книги явилась... николаев (И. Вольпер, «Плитка шоколада», Детизлат, 1940).

Сложнее всего, на мой взгляд, сказать о более широком знании культуры, которое получается из книги.

Можно приветствовать, что Детизлат в 1940 г. не ограничился переизданием превосходных работ М. Ильина, а решил расширить круг тем, посвященных вопросам материальной культуры. Непонятно только, почему темой очередной книги явилась... николаев (И. Вольпер, «Плитка шоколада», Детизлат, 1940).

Сложнее всего, на мой взгляд, сказать о более широком знании культуры, которое получается из книги.

Можно приветствовать, что Детизлат в 1940 г. не ограничился переизданием превосходных работ М. Ильина, а решил расширить круг тем, посвященных вопросам материальной культуры. Непонятно только, почему темой очередной книги явилась... николаев (И. Вольпер, «Плитка шоколада», Детизлат, 1940).

Сложнее всего, на мой взгляд, сказать о более широком знании культуры, которое получается из книги.

Можно приветствовать, что Детизлат в 1940 г. не ограничился переизданием превосходных работ М. Ильина, а решил расширить круг тем, посвященных вопросам материальной культуры. Непонятно только, почему темой очередной книги явилась... николаев (И. Вольпер, «Плитка шоколада», Детизлат, 1940).

Сложнее всего, на мой взгляд, сказать о более широком знании культуры, которое получается из книги.

Можно приветствовать, что Детизлат в 1940 г. не ограничился переизданием превосходных работ М. Ильина, а решил расширить круг тем, посвященных вопросам материальной культуры. Непонятно только, почему темой очередной книги явилась... николаев (И. Вольпер, «Плитка шоколада», Детизлат, 1940).

Сложнее всего, на мой взгляд, сказать о более широком знании культуры, которое получается из книги.

Можно приветствовать, что Детизлат в 1940 г. не ограничился переизданием превосходных работ М. Ильина, а решил расширить круг тем, посвященных вопросам материальной культуры. Непонятно только, почему темой очередной книги явилась... николаев (И. Вольпер, «Плитка шоколада», Детизлат, 1940).

Сложнее всего, на мой взгляд, сказать о более широком знании культуры, которое получается из книги.

Можно приветствовать, что Детизлат в 1940 г. не ограничился переизданием превосходных работ М. Ильина, а решил расширить круг тем, посвященных вопросам материальной культуры. Непонятно только, почему темой очередной книги явилась... николаев (И. Вольпер, «Плитка шоколада», Детизлат, 1940).

Сложнее всего, на мой взгляд, сказать о более широком знании культуры, которое получается из книги.

Можно приветствовать, что Детизлат в 1940 г. не ограничился переизданием превосходных работ М. Ильина, а решил расширить круг тем, посвященных вопросам материальной культуры. Непонятно только, почему темой очередной книги явилась... николаев (И. Вольпер, «Плитка шоколада», Детизлат, 1940).

Сложнее всего, на мой взгляд, сказать о более широком знании культуры, которое получается из книги.

Можно приветствовать, что Детизлат в 1940 г. не ограничился переизданием превосходных работ М. Ильина, а решил расширить круг тем, посвященных вопросам материальной культуры. Непонятно только, почему темой очередной книги явилась... николаев (И. Вольпер, «Плитка шоколада», Детизлат, 1940

Новые голоса

Несколько лет тому назад кончилась трагедия немоты одаренных народов Кабардино-Балкарии. Горные балкарские настуки и салоюзы, вольнолюбивые наездники Кабарды получили от своей власти дар письменной речи — свойственный алфавит. Теперь стало возможным собирать и записывать рассеянные по гулам красочные легенды и наспех о паролем герое, богатыре Азимиркана, защищавшем родину от паштакия лихих монгольских орд. Получила известность творчество Пачева. Этот способнейший самородок, зачинатель советской кабардинской поэзии, оставил после себя не только стихи и поэмы, — еще до революции он пытался составить образцы первого национального алфавита, что не прошлоально было отмечено им.

К сожалению, русские читатели до сих пор почти не знакомы ни с дореволюционным фольклором Кабардино-Балкарии, ни с творчеством лучших ее современных писателей. За все годы своего существования нальчикское издательство выпустило лишь две книги переводов на русский язык: сборник «Ленин и Сталин в творчестве народов Кабардино-Балкарии» и небольшой рассказ Баджезева «На рассвете».

Отечественная тематика сборника трогала от переводчика высокой квалификацией, умелого обращения с оригиналом. Это не было учтено. Безымянный переводчик Пачева ограничился небрежным пересказом поэтического и не вскрыл всей полноты образов:

«Ленин прав, — оттого его лепят из белого гипса».

Строка получилась непонятной, растянутой, тяжеловесной, а образ так и остается неперекрытым. У автора говорилось не только о правоте Ленина, но и о величию, кристальности его души, о глубокой любви вождя к трущимся людям. Отсюда и законный вывод: бесподобный, полумудрый гипс достоин служить материалом для изваяния Ленина.

Вообще стихи обескровлены, мысль не окрашена живым чувством.

В переведенном Уваровым рассказе Баджезева «На рассвете» страст и смыслы Кабардино-балкарские писатели широко пользуются пословицами и поговорками, метко выражавшими мудрость, ironию, житейский опыт народа. А вот попробуйте-ка сразу понять смысл сего изречения:

«Когда гром гремит, каждый в свой щамбар стучит».

Издательство, кажется, признало, что плохо знакомо русским читателям с кабардинско-балкарской литературой, и пытается пакостить упущенное. Перед наами медленно выпущенная книга стихов «Горная Балкария», переведенная молодым поэтом И. Столыровым. Это, по сути дела, первая попытка дать поэтические грамматики, культурные переводы избранных произведений балкарских поэтов. Здесь представлены все, кто отнесен к настоящим поэтическим дарованиям, — от 90-летнего, умудренного житейской философии, падроянского певца Казими Мечиева, чей молот и поньи стучит в колхозной кузнице, до совсем молодого, недавно призванного в Красную Армию, темпераментного лирика Касима Кулевые.

Переводчики вдумчиво расположили материалы. В первом разделе поэты обращаются к тем, кто всегдаю освободил настуки и салоюзов от произвола князей, отдал труженикам землю, стала, виноградники, — к Ленину, к Сталину. Мерно и торжественно, напоминая мудростью своей казахской сверстницы Джамбула, поет соловийский Казим Мечиев:

Многое, чем каждый век отмечен, Отживает. И времена на плечи Лижек седина. Но бесконечен Будет Ленин. Ленин мире вечен, Знаю я: пройдут тысячелетья, Горы по земле развеет ветер. И с землей сравняет. Но планета Будет солнцем Сталина согрета!

Человеку, почти сто лет шагавшему по земле, дано видеть многое. Он измеряет время тысячелетиями и знает: будут меняться народы, изменят свой облик природа, но никогда не погаснет в

сердцах людей творческий пламень, зажженный Лениным и Сталиным.

Более непосредственен горный Мечиеву во вкусе жизнерадостности Берим Отаров. Гостеприимство — одна из наиболее характерных черт в натуре кавказцев. Чем же отблагодарить Сталина? Конечно, различным приглашением:

Приезжай к нам в гости,
Наш любимый Сталин,
Погляди — порадуйся
На своих детей.
Мы тебя с цветами
Встречим на вокзале,
Приведем по солнечной
По земле своей!

Дорогому гостю — лучшее угощение:

Хичином* горячим
Мы тебя накормим,
Из колхозных винниц
Угостим вином.

Многие поэты отговариваются в прошлом. О нем всегда надо помнить, чтобы лучше оценить настоящего. Кайсан Кулевые не оставил даже доля вины перевода. Вероятно, в этом есть здравый смысл перевода, — он ведь тоже не вышел из комсомольского возраста и, при всей своей добросовестности, еще не накопил достаточного опыта. В стихах встречаются эпифизические русские выражения, не органические балкарскому языку: «родильный», «по-нашей ней». Или — зачем было уподоблять горную траву Балкарии «альпийской». Право, краски балкарской природы имеют свою необычную яркость и что-то, что ляжет им должную оценку, познакомив их с архивными материалами и разыскав загадку. Во всяком случае, следует решительно отказаться от того, чтобы расшифровывать приведенный стих Лермонтова, как намек на некий общественный подвиг его отца. Слово «подвиг» первоначально означало путешествие (от глагола «двигаться»), так оно употребляется в старых исторических альбомах. Отсюда перенесенное значение — подвиг — жизненный путь. В поэзии такое словоупотребление держалось еще в сороковых годах (ср. стих. Баратынского в сборнике «Сумерки» 1942 г. «Свой подвиг ты совершила прежде тела, безумная душа»).

Таким образом, слова Лермонтова «Но ты совершила свой подвиг, мой отец» означают просто: «Ты дожил свою жизнь, ты умер».

Что касается слов в том же стихотворении «И жребий чужого изгнания иметь на родине с называнием гражданина!», то они вполне могут относиться к человеку, формально не лишенному прав гражданина (в отставку Ю. П. Лермонтов ввел «за болезнь» — гласит документ), но общественным мнением из общества изгнанному.

Оправдание отцу Лермонтов ищет в том, что суд света морально не авторитет (*«Но что такое свет?»* и т. д.). Это вполне соответствует настроению юного Лермонтова, увлекающегося Шиллером и Байроном. Культ сильной личности, преобразующей условий моралью общества, логически приводят поэта к признанию черт романтического героя игрока-шутера в «Маскараде». Соображение Б. М. Эйхенбаума, что образ Арбенина навеян Лермонтовым историей отца, еще укрепляется показаниями современников, рассказывающих, как бывал груб в женой в моменты ревности Ю. П. Лермонтов. В образе Арбенина тема игрока смыкается с темой ревности.

К биографии М. Ю. Лермонтова

Одним из трудных моментов для изучающего биографию Лермонтова до сих пор остается вопрос о личности отца поэта. Документы о нем крайне скучны, и биографы теряются в догадках.

Они полагают, что ранняя отставка Ю. П. Лермонтова была вызвана каким-то не согласием с кодексом чести поступком, за что он был «святом осужден». Эта точка зрения, как будто, имеет основания: Ю. П. Лермонтов рисуется мемуаристом как «пьяница, спившая с круга, и игрок». Такой человек мог быть пытлив и подать в отставку, не уплатив, например, гарточного долга.

Другие биографы, во главе с Б. М. Эйхенбаумом, видят в жизни Ю. П. Лермонтова драму, вырастающую из личных конфликтов с обществом. Аргументируется это точка зрения стихом Лермонтова «Но ты совершила свой подвиг, мой отец».

Возможно, что дальнейшие находки архивных материалов и разысканага конфликта с обществом. Аргументируется это точка зрения стихом Лермонтова «Но ты совершила свой подвиг, мой отец».

Таким образом, Лермонтов задался целью написать в художественно-познавательной форме книгу о строительстве Дворца Советов.

Тут уж, казалось бы, боязнь быстрого старения книги невестки. Грандиозный памятник Ленину разработан до мельчайших подробностей. Исключительный процесс его строительства — незыблый материал для всех видов художественного творчества, начиная от поэзии и кончая познавательной прозой.

Но и это книга, лишь тенью она вышла, во многом обогнала жизнь.

Атаров не пишет о людях, строящих дворец, его интересует главным образом технологическая сторона сооружения. Но и в этом случае начальнику строительства Дворца Советов А. Н. Прокофьеву в предисловии к книге приходится отмечать, что книга не может поспеть за всеми изменениями, которые рождаются каждый день в процессе стройки.

Тем не менее читатель найдет в книге:

Н. Атаров. «Дворец Советов». Изд. «Московский рабочий», 1940 г.

Библиография

КНИГА О ДВОРЦЕ СОВЕТОВ

Стоило бы написать специальное исследование на тему, сколько книг у нас быстро «стареет» только потому, что в некоторых случаях (которых, к сожалению, немало) издательства не особняком, торопятся выпускать книги. В среднем на процесс рассмотрения книги, включение ее в план, редактирования, оформления, печатания и выпуска в свет уходит не меньше года. А за год у нас меняется очень многое.

Н. Атаров задался целью написать в художественно-познавательной форме книгу о строительстве Дворца Советов. Это глава с не очень ясным называнием («Величина и подробность»). Есть неуклюжие названия глав, вроде «Камень мужичих берегов», в которой говорится, что в царской России мрамор ввозили из-за границы. Есть «красивости», вроде «сторожества границы» и т. п.

Из более существенных недостатков следует указать на не совсем правильную архитектонику книги. О реконструкции Москвы сравнивательно кратко и бегло говорится только в конце книги. Между тем, дворец — величайшее сооружение сталинской эпохи — связано с реконструкцией Москвы самым непосредственным образом.

Но в общем книга написана безусловно добросовестно. Автор дает широкие сведения о проектировании дворца, о материалах, их свойствах, об исключительной проверке, которой они подвергаются. Подробно обрисована программа фундамента, необычайного по мощности и по новым методам, которые применялись строителями.

Первая попытка Н. Атарова разорить строительство Дворца Советов в форме очерка, несмотря на отдельные недостатки, — удачна.

Е. ЗОСУЛИЯ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. ШЕНЬЕ

А. С. Пушкин не случайно испытывал такой живой интерес к Андре Шенье и его элегиям. Поззи самого великого поэта века Просвещения, Шенье, многим напоминает лирическую поэзию зеркального Гете и Пушкина. Те же мотивы гармоничной, чистой и земной любви, же артистическое совершенство формы. Но Пушкин и Гете жили в последнереволюционную эпоху, они усвоили опыт буржуазной буржуазной революции и стояли перед глубокими трагическими проблемами XIX века. Шенье еще идиллически спокоен и наивен, он остался в пределах эпохи Просвещения. В его лирических элегиях есть легкомысленные и наивные, в идиллиях — безмятежность. И вместе с тем Шенье истиный поэт, преодолевающий рассудочность и дидактику стихотворений Просвещения.

В изданным Гослитиздатом сборнике «Избранные произведения» Шенье даны наиболее значительные его идиллии, элегии, оды и поэмы. Стихам Шенье предлагаются статья одного из немногих наших специалистов по французской лирике — В. Блюменфельда. Статья эта будет полезна русскому читателю приведенным в ней фактическим материалом. Но идеальная характеристика Шенье, данная В. Блюменфельдом, вызывает решительные возражения. Автор превращает Шенье в последователя Руссо и делает его чисто не-литературным. Критиком буржуазного прогресса. Конечно, лирика Шенье не могла возникнуть без культа природы, моря и гор. Шенье был близок к природе, к горам.

В Блюменфельде аргументирует свое представление о взглядах Шенье на эшафот. Чувственный элиннизм поэта не имеет ничего общего с суровым культом римских добродетелей, провозглашенным людьми 93-го года. Шенье был близок к хиронистам, он принадлежал к буржуазному лагерю борцов против феодализма.

В издании используются классические переводы русских поэтов XIX века (Пушкина, Баратынского и др.) и помещены многие из этих новых переводов неудачные, и не передают стиля ясной поэзии Шенье. (Переводы В. Римского-Корсакова и некоторые переводы Б. Брикса.)

A. ШТЕЙН

У БЕРЕГОВ АМУРА

Название книги стихов дальневосточного поэта Петра Комарова точно соответствует ее содержанию. Природа далекой окраины нашей страны, дела и дни наших современников, живущих «у берегов Амура», дают материал почти всем стихам П. Комарова, служат источником всех его тем.

В книге три раздела: первый из них правильнее всего было бы назвать «Тайга», второй — посвящен Дальневосточной Красной Армии, третий раздел содержит небольшую поэму «Вильская», в которой рассказывается народная наивская сказка.

Петр Комаров превосходно знает свой материалист, он цельно и глубоко чувствует замечательную природу края, Приамурья — главный герой его книги.

По своему ощущению природы, находящейся в вечном движении, по своему поэтическому восприятию тайги, не «смертью громом», но своеобразного, интереснейшего мира, населенного бесчисленными живыми существами, Петр Комаров тяготеет к Михаилу Пришвину.

Не случаен в одном своем стихотворении Петр Комарова жить природы, но и он не живут люди.

Единственный стихотворение, где поэту удается дать образ человека, является «Баллада о зверолове».

Это стихотворение, в котором человек гармонически связан с пейзажем, дает возможность надеяться, что недостатки книги «У берегов Амура» будут преодолены поэтом.

А. НЕМИРОВСКИЙ

ЛЮДИ В ЛЕСУ

Борьба классов в предвоенной Венгрии, простота политического самосознания масс — такова тема этой книги. Большая часть поэзии этого автора связана с описанием жизни Пемете — маленькой лесной деревушки. Но Пемете для Иллеша — не просто далекий, полузараженный уголок, это — символ страны, Венгрии в миниатюре. «О, то, чем ты пишешь в своем письме, сынок, это положение не в Пемете, а в Балатоне!» — говорит поэт.

Петр Комаров превосходно знает свой материалист, он цельно и глубоко чувствует замечательную природу края, Приамурья — главный герой его книги.

По своему ощущению природы, находящейся в вечном движении, по своему поэтическому восприятию тайги, не «смертью громом», но своеобразного, интереснейшего мира, населенного бесчисленными живыми существами, Петр Комаров тяготеет к Михаилу Пришвину.

В этой книге — много героя, точнее — много действующих лиц. Галерея «столпов общества» («добрых венгеров» Фердинанд Севелла, банкир и ростовщик «благодетельница Пемете», мадам Шнейер, ее компаньонка; «герой и мужчина борьбы за цивилизацию» генерал Ульрих Грюнвальд, владелец лесопильного завода) противостоят в романе племянник Гезе, Филипп Севелла своему племяннику Гезе.

В этой книге — много героя, точнее — много действующих лиц. Галерея «столпов общества» («добрых венгеров» Фердинанд Севелла, банкир и ростовщик «благодетельница Пемете», мадам Шнейер, ее компаньонка; «герой и мужчина борьбы за цивилизацию» генерал Ульрих Грюнвальд, владелец лесопильного завода) противостоят в романе племянник Гезе, Филипп Севелла своему племяннику Гезе.

Бела Иллеш. «Люди в лесу». Роман. Перевод с венгерского М. Зельдович и Л. Шнейк. «Советский писатель». М. 1940.

ЗАБЫТЫЕ РАССКАЗЫ» М. ГОРЬКОГО

Междуд тем произведения эти, свидетельствуя об исключительном творческом напряжении художественного таланта Горького, о поразительной широте его житейских наблюдений и идейных запросов, о разнообразии использованных им литературных форм, образов, мотивов, имеют для нас огромный интерес. Они уточняют наше представление о полном объеме литературной работы Горького и обогащают наше понимание своеобразного качества этой работы, взятой в ее уже целом, почти исчерпывающем виде, если не считать немн

ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

Из писем читателей и от наших корреспондентов

В Музее нового западного искусства открылась «Выставка изобразительного искусства западных областей Украины и народного творчества гуцулов». В ней представлены памятники иконы XVII-XVIII веков, вышивки, керамика, изделия из дерева, ляльки и другие городки западных областей Украины, а также деревянная архитектура в рисунках и фотографиях. Значительное место занимает четырех залов музея в историко-хронологическом порядке, начиная с произведения художников старого поколения Петрака, Труца, Новакинского, Кульчицкого, Китса, Батонского и кончая произведениями молодых художников Мороза, Пешакиша, Нахта, Винникого, Мартиńskiego, Борисовского и других. Графика показана во всем многообразии ее техники — литография, линогравюра, офорты и ксилографии. Среди графических работ выделяются произведения Глинзера, Кратохвиль-Видимской, Кульчицкой,

Литературный календарь

И. Ф. ГОРБУНОВ

К 45-летию со дня смерти

Иван Федорович Горбунов (1831—1896) — писатель, актер и рассказчик — сейчас неизвестно забыт. В свое время он пользовался и в публике и особенно среди «братьев-писателей» большой и шумной известностью главным образом как исполнительный исполнитель своих рассказов и сцен из народного быта. Горбунов был выдающимся знатоком русского языка.

Выходец из крепостной семьи крестьян Московского уезда, он великолепно изучил народный быт и, отличаясь незаурядной наблюдательностью, сумел использовать накопленный им материал и как быточность и как рассказчик.

Горбунов был весьма блестящим с рядом крупнейших писателей — Тургеневым, Писемским, Краевским, Некрасовым и др., но особенно был окружен с Островским, играл в его пьесах, совершил с ним путешествие за границу (Париж, Лондон). Островский вызвал Горбунова из Москвы в Петербург, часто виделся с ним, советовал по литературным делам и даже уговаривал его навсегда переселиться к себе в дом.

Горбунов написал довольно много рассказов, очерков и народных сцен, составивших три объемистых тома. В их числе надо отметить материалы по истории русского театра и весьма интересные литературные воспоминания.

Заслуживает особого упоминания созданный Горбуновым забавный образ генерала Дитятина. Это — талантливо сделанная литературная маска бравого, прямолинейного волка николаевских времен, раз и навсегда застывшего в своих воззваниях на мир, на литературу, на искусство.

В. НАГЕЛЬ.

«БОРИС ГОДУНОВ»

К 110-летию выхода в свет

В письме из Михайловского (13/VII 1925 г.) Пушкин писал Вяземскому: «...я предпринял такой литературный подвиг, за который ты меня расцелуешь: Романтическую Трагедию! — смотря, можешь ли этим знать весь немногие... А в постскриптуре приписал: «Перед моей монографией! Не могу вытерпеть, чтобы не выплыть ее заглавии: Комедия о настоящей беде Московского Государства, о Ц. Борисе и о Гринке Отр. Писал раб бояж Алекс. сын Сергеев Пушкин в лето 733 на городище Ворониче Каково!»

Романтическая трагедия — это «Борис Годунов», законченный к началу октября 1825 г. и вышедший в свет с большими отступлениями только через 5 лет — в декабре 1830 г.

Обязанный представлять все свою пропись на просмотр Николаю I. Пушкин и новое свое произведение, после наименования Бенкендорфа, направил своему «высочайшему» цензору. Трагедия вернулась к нему со следующей «критической» резолюцией императора: «Я считаю, что цель г. Пушкина была выполнена, если бы с нужным очищением переделан комедия в исторический роман на пособие Вальтера Скотта». Пушкин, однако, категорически отказался переделывать трагедию в роман, рукою легла без изменений до 1829 г., когда по его просьбе издана в 1829 г. впервые в свет с большими отступлениями только через 5 лет — в декабре 1830 г.

Пушкин представил все свою пропись на просмотр Николаю I. Пушкин и новое свое произведение, после наименования Бенкендорфа, направил своему «высочайшему» цензору. Трагедия вернулась к нему со следующей «критической» резолюцией императора: «Я считаю, что цель г. Пушкина была выполнена, если бы с нужным очищением переделан комедия в исторический роман на пособие Вальтера Скотта». Пушкин, однако, категорически отказался переделывать трагедию в роман, рукою легла без изменений до 1829 г., когда по его просьбе издана в 1829 г. впервые в свет с большими отступлениями только через 5 лет — в декабре 1830 г.

ОБСУЖДЕНИЕ АЛЬМАНАХА «НОВАЯ СИБИРЬ»

ИРКУТСК. (От наш. корр.). Иркутское отделение СССР недавно организовало обсуждение последней (седьмой) книги альманаха «Новая Сибирь». В обсуждении приняли участие секретарь обкома ВКП(б) Т. Рассказов, работник обкома, газет, издающей альманах.

Критический обзор помещенного в альманахе материала спела Г. Малкова, явившей в целом положительную оценку альманаха и указавшей вместе с тем на ряд серьезных творческих недочетов в произведениях авторов.

Выступившие товарищи обратили внимание коллегии на необходимость более строгого и щадящего отбора произведений для печатания в альманахе.

Рассказы И. Переца

В ближайшее время выходит в ближайшее время однотомник избранных произведений классиков еврейской литературы И. Переца. В однотомнике помещены лучшие из антикварных его рассказов, сказок, сказки и аллегории. Книга открывается критико-биографическими очерками о писателе Ш. Эпштейне.

Литературная газета

№ 1

Литературный радиожурнал

«Встреча в эфире» — таково название первого литературно-художественного радиожурнала, в котором писатели один раз в месяц встречаются со своими читателями-школьниками.

«Встреча в эфире» — это «такой особенный журнал», — говорил Б. Альтерт, — в котором автор сам разговаривает с читателем, как будто они сидят друг против друга. Конечно, разговор этот односторонний — читатели слышат писателей, а писатели их не слышат, но тем не менее разговор очень живой и увлекательный для ребят.

В «редакции» этого журнала — у микровуза в студии — рядом с писателями сидят укротители зверей, путешесственные, артисты, спортсмены, военные, потому что ребятам интересны и новые литературные произведения, и рассказы участников боев за родину, и научные открытия, и путешествия, и жизнь животных.

Бедущий журнала Б. Альтерт спакомит читателей с авторами. — У микрофона — Лев Кассиль, — сообщил он. — Только что он прочитал новую книгу, вышла 2 января. Ребята услышали новогодний рассказ Кассиля, стихотворение Л. Квитко в переводе Е. Багинской, новые приключения Хоттабыча — Л. Лагина, рассказ Галины Таекной о том, как она спаслась с Эльбусом на лыжах, и другие интересные вещи.

— Да, и действительно только что за-

кончил новую книгу, — говорит ребятам Л. Кассиль. — Называется она «Великое противостояние».

И он излагает содержание повести и читает из нее отрывок.

«Встреча в эфире» — это «такой особенный журнал», — говорил Б. Альтерт, — в котором автор сам разговаривает с читателем, как будто они сидят друг против друга. Конечно, разговор этот односторонний — читатели слышат писателей, а писатели их не слышат, но тем не менее разговор очень живой и увлекательный для ребят.

В «редакции» этого журнала — у микровуза в студии — рядом с писателями сидят укротители зверей, путешесственные, артисты, спортсмены, военные, потому что ребятам интересны и новые литературные произведения, и рассказы участников боев за родину, и научные открытия, и путешествия, и жизнь животных.

Бедущий журнала Б. Альтерт спакомит читателей с авторами. — У микрофона — Лев Кассиль, — сообщил он. — Только что он прочитал новую книгу, вышла 2 января. Ребята услышали новогодний рассказ Кассиля, стихотворение Л. Квитко в переводе Е. Багинской, новые приключения Хоттабыча — Л. Лагина, рассказ Галины Таекной о том, как она спаслась с Эльбусом на лыжах, и другие интересные вещи.

— Да, и действительно только что за-

Вечер Симона Чиковани

ТБИЛИСИ. (Наш корр.). Большая аудитория собралась недавно в клубе писателей Тбилиси. На речи читки новых, еще не опубликованных стихов Симона Чиковани пришли поэты, прозаики, а также представители интеллигентности города, профессора, научные работники, студенты — искренние ценители поэзии С. Чиковани.

В обсуждении новых стихов С. Чиковани приняли участие Ш. Радиши, Г. Гачападзе, К. Гамсахурдия, Д. Шенгелия, Л. Асатiani, Бесо Жгенти, К. Бобохидзе, Д. Асатiani, Ирина Бенкелашвили, И. Келечеви.

Выступившие в обсуждении товарищи единогласно отметили большое идеино-художественное достоинство новых стихов Симона Чиковани. Политическая направленность в сочетании с глубокой лирической эмоциональностью, большое мастерство в отдельных формах стихов, сложная и вместе с тем красочная система образов, а также реалистическая ясность в передаче тональных переживаний и чувств, — вот те качества, которые характеризуют эти стихи. Они, как это справедливо указали выступившие товарищи, являются крупным шагом вперед в творчестве поэта.

Новые стихи С. Чиковани будут изданы в специальном сборнике с двадцатипятилетием советской власти в Грузии.

На конференции состоялись А. Зерзалиевым, Д. Райхинским, В. Стражеских под редакцией профессора Н. Бродского.

ПЛЕНУМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КАРА-КАЛПАКИИ

В Нукусе состоялся первый пленум советских писателей Карабалыкской, Ахалтекинской и Кашкадарьинской областей. Пленум прошел с участием представителей избранных 40-летие со дня смерти народного писателя Бердаха.

Пленум азаслушал доклады тт. Даевкараева и Дерибекова о жизни и творчестве поэта. Доклад о состоянии карабалыкской литературы сделал т. Джолмурыз Аймурзаев.

— В последнее время, — сказал он, — наши писатели начали работать более плодотворно. Разнообразие стала тематика произведений. Появились первые ка-

Учебник русской литературы

На днях Учпедгиз выпустил «Учебник русской литературы» для учащихся 9-го класса средней школы. Книга охватывает период от Гоголя до Чехова включительно.

Каждому разделу учебника предпосланы вводная статья, содержащая краткий очерк общественной мысли данного исторического периода, и характеристика состояния литературы и искусства в России — живописи, театре, музыке. В разделе о Салтыкове-Шедрине специальная глава посвящена образу Иудыши Головлеву в сказках и выступлениях В. И. Ленина. Такая же глава посвящена опиcанию Ленинского творчества Л. Толстого.

По темам произведений альманах отстает от современной жизни.

Между тем можно было бы найти для альманаха и более актуальные вещи.

Обо всем этом говорили А. Колженков на заседании бюро областных комиссий СССР и писатели М. Эгар, А. Карцев, Л. Мышковская, П. Следов, Б. Вадецкий, А. Дроздов и Л. Шапиро, участвовавшие в прениях. Они подчеркивали, что негнание критике свидетельствует о нетребовательном отношении к себе, о дилетантской успокоенности. Это порой приводит одаренным писателям к «занятой амнисии» и творческому застою, в котором, судя по альманаху, находятся и красногвардейские писатели.

Нимир Манджиев — первый калмыцкий советский писатель. Он очень многое сделал для развития национальной письменной литературы Калмыкии, работавшей в области фольклора 40 лет.

По темам произведений альманах отстает от современной жизни.

Между тем можно было бы найти для альманаха и более актуальные вещи.

Обо всем этом говорили А. Колженков на заседании бюро областных комиссий СССР и писатели М. Эгар, А. Карцев, Л. Мышковская, П. Следов, Б. Вадецкий, А. Дроздов и Л. Шапиро, участвовавшие в прениях. Они подчеркивали, что негнание критике свидетельствует о нетребовательном отношении к себе, о дилетантской успокоенности. Это порой приводит одаренным писателям к «занятой амнисии» и творческому застою, в котором, судя по альманаху, находятся и красногвардейские писатели.

Нимир Манджиев — первый калмыцкий советский писатель. Он очень многое сделал для развития национальной письменной литературы Калмыкии, работавшей в области фольклора 40 лет.

По темам произведений альманах отстает от современной жизни.

Между тем можно было бы найти для альманаха и более актуальные вещи.

Обо всем этом говорили А. Колженков на заседании бюро областных комиссий СССР и писатели М. Эгар, А. Карцев, Л. Мышковская, П. Следов, Б. Вадецкий, А. Дроздов и Л. Шапиро, участвовавшие в прениях. Они подчеркивали, что негнание критике свидетельствует о нетребовательном отношении к себе, о дилетантской успокоенности. Это порой приводит одаренным писателям к «занятой амнисии» и творческому застою, в котором, судя по альманаху, находятся и красногвардейские писатели.

Нимир Манджиев — первый калмыцкий советский писатель. Он очень многое сделал для развития национальной письменной литературы Калмыкии, работавшей в области фольклора 40 лет.

По темам произведений альманах отстает от современной жизни.

Между тем можно было бы найти для альманаха и более актуальные вещи.

Обо всем этом говорили А. Колженков на заседании бюро областных комиссий СССР и писатели М. Эгар, А. Карцев, Л. Мышковская, П. Следов, Б. Вадецкий, А. Дроздов и Л. Шапиро, участвовавшие в прениях. Они подчеркивали, что негнание критике свидетельствует о нетребовательном отношении к себе, о дилетантской успокоенности. Это порой приводит одаренным писателям к «занятой амнисии» и творческому застою, в котором, судя по альманаху, находятся и красногвардейские писатели.

Нимир Манджиев — первый калмыцкий советский писатель. Он очень многое сделал для развития национальной письменной литературы Калмыкии, работавшей в области фольклора 40 лет.

По темам произведений альманах отстает от современной жизни.

Между тем можно было бы найти для альманаха и более актуальные вещи.

Обо всем этом говорили А. Колженков на заседании бюро областных комиссий СССР и писатели М. Эгар, А. Карцев, Л. Мышковская, П. Следов, Б. Вадецкий, А. Дроздов и Л. Шапиро, участвовавшие в прениях. Они подчеркивали, что негнание критике свидетельствует о нетребовательном отношении к себе, о дилетантской успокоенности. Это порой приводит одаренным писателям к «занятой амнисии» и творческому застою, в котором, судя по альманаху, находятся и красногвардейские писатели.

Нимир Манджиев — первый калмыцкий советский писатель. Он очень многое сделал для развития национальной письменной литературы Калмыкии, работавшей в области фольклора 40 лет.

По темам произведений альманах отстает от современной жизни.

Между тем можно было бы найти для альманаха и более актуальные вещи.

Обо всем этом говорили А. Кол